© 1995 г.

А.И. ЧЕРНЫХ

ЖИЛИЩНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Политика 20-х годов в сфере жилья

ЧЕРНЫХ Алла Ивановна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РА Н

Сразу после Октябрьского восстания большевики столкнулись с одной из острейших социальных проблем - необходимостью обеспечения трудящихся городов жильем. Не имея четко разработанной программы решения этой проблемы, они провозгласили классовый подход к ней, использовав старый лозунг Французской революции: «Мир - хижинам, война - дворцам», что на деле означало обращение к «революционному жилищному переделу» (по аналогии с происходившим в деревне переделом земельным). В.И. Ленин набросал черновой проект «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», согласно которому «богатой квартирой считается всякая квартира, в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире» [1, с 380]. Это - развитие известного тезиса Ф. Энгельса: «помочь устранению жилищной нужды можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части» [2, с. 239]. В ленинской формулировке, утвержденной Петроградским советом в качестве постановления [3, с. 56], был зафиксирован довольно симптоматичный, пожалуй, решающий для последующей политики Советской власти в сфере жилья момент - принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату. Именно с воплощения в жизнь этого положения начался этап коммуналок.

«Снабжение» рабочих жилищами за счет непролетарских слоев города в широких масштабах стало осуществляться с осени 1918 г., когда шедший до этого стихийно процесс переселений и уплотнений вводится в рамки государственного законодательства декретом, отменявшим частную собственность на недвижимость - все без исключения участки (как застроенные, так и незастроенные), находящиеся в пределах городских поселений и принадлежащие любым собственникам: частным лицам, промышленным предприятиям, ведомствам и учреждениям Вместе с тем право строительства новых жилищ в городах с населением свыше 10 тыс. человек предоставлялось исключительно местным советам, они же (в лице специально созданных жилищных отделов) взяли в свои руки и перераспределение жилой площади. По свидетельству современников, «в Москве и Петербурге, а также и в провинциальных городах, жители лучших, удобнейших домов были разделены на специальные категории, причем буржуазные паразитические элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов переселялись рабочие» [4, с. 95], кстати, у выселяемых вместе с квартирами отбирались мебель, домашняя утварь, одежда, продукты питания и деньги, часть реквизированного передавалась новым жильцам - рабочим, с которых первое время даже не взималась квартплата.

Жилищный передел в столицах имел свои особенности. Так, в Москве он был главным образом направлен на разрушение иерархической («феодальной», как ее называли тогда) кольцевой структуры города. С этой целью рабочих с окраин переселяли в центр (если в 1917 г. в границах Садового кольца их проживало около 5%, то к 1920 г - 40-50% [5, с. 12]), им предоставлялись значительные льготы (субсидии на переезд и ремонт, освобождение от квартирной платы бывших красноармейцев и их семей [6, с. 43]). Но из-за удаленности от мест работы, расположенных преимущественно на окраинах, куда было добираться весьма затруднительно ввиду перебоев с транспортом, эта акция успеха не имела, и «феодальная» структура Москвы постепенно восстановилась. Своеобразие же в Петрограде определялось спецификой застройки его центра. До революции центр застраивался двумя типами домов - так называемыми лицевыми и дворовыми флигелями «Барские» лицевые флигели, выходившие на улицу, располагали всевозможными удобствами, нередко даже лифтами, парадным и черным ходом, избыточной высотой комнат и предназначались для солидных платежеспособных квартирантов — промышленников, банкиров, крупных чиновников, врачей, адвокатов. Дворовые флигели рассчитаны были на жильцов иного достатка - непритязательных мелких чиновников, ремесленников, пролетариев. Эти строения не только стояли «стена к стене», но и внутри отличались теснотой и неудобством. Однако жилищные условия на окраинах - в рабочих районах - нельзя было сопоставить даже с самыми плохими квартирами в центре. К примеру, если в Центральном районе всего 2% квартир не имели водопровода и 2,5% - канализации, то в Выборгском - соответственно 75% и 78% [7, с. 67].

Многие принудительно изъятые квартиры с огромными проходными комнатами требовали больших расходов на отопление и, естественно, остались незаселенными, а наличие в квартирах холодных необитаемых комнат снижало санитарное состояние домов в целом. К тому же места общего пользования - ванные, уборные, кухни, подсобные помещения, не приспособленные для коллективной эксплуатации, - оказывались источником постоянной напряженности между жильцами. Все это приводило к конфликтам, ссорам, раздорам, случаям квартирного хулиганства как из-за невыносимых бытовых условий, так и потому, что, вспомним М. Зощенко, «после гражданской войны нервы ... у народа завсегда расшатываются» [8, с. 66].

В результате эти громадные квартиры не привлекали к себе рабочий люд, предпочитавший более скромное, пусть даже сырое и затемненное жилье. Оттого-то большинство бывших господских апартаментов, которые в силу особенностей расположения капитальных стен и дымоходов нуждались в слишком солидных средствах на перепланировку и обновление, «остаются в прежнем виде и попадают в руки лицам с крупными доходами» [7, с. 73].

Как же практически осуществлялся «революционный жилищный передел»? Весь жилой фонд, независимо от его качества, местоположения и даже наличия стенных перегородок, делился на равные отрезки площади в соответствии с принятой нормой в 20 кв. аршин (10 кв. м) на взрослого и ребенка от двух лет и 10 кв. аршин (5 кв. м) на ребенка от двух до двенадцати лет [6, с. 43]; в 1924 г. в связи со значительным увеличением численности горожан норма была сокращена до 16 кв. аршин (8 кв. м) вне зависимости от возраста проживающих *[9,* с. 4]. Это значило, что если человек жил один в комнате площадью более 16 кв. аршин, ему предстоит «уплотнить себя».

-К каким фантастическим (увы, совершенно реальным!) последствиям приводило требование «самоуплотнения», поведал московский журнал «Жилец», издававшийся в 1924—1925 гг. Вот один случай. В комнате площадью 70 кв. аршин (35 кв. м) живут три посторонних друг другу женщины, имея излишек в 22 кв. аршина, на предложение домоуправления об уплотнении каждая выдвигает свою кандидатуру, но прийти к Соглашению они не могут; поэтому домоуправление само должно выбрать одну из кандидаток, дабы подселить сюда ее будущего сожителя. «Возникает вопрос, обязаны

ли жильцы, которым предложено самоуплотниться, выбирать для вселения жильцов данного дома или могут принять к себе любых жителей Москвы. Нужно на этот вопрос ответить в смысле права более широкого выбора ... в данном доме может не оказаться подходящих сожителей» [9, с. 6].

Конечно, иметь право на подобный выбор неплохо, но сама ситуация оказывается неслыханной для людей, выросших и живших в нормальных условиях. Именно такую ситуацию и описал М. Булгаков в повести «Собачье сердце» [10, с. 137-139], увидевшей свет, заметим, через несколько месяцев после выхода журнала, где приведен цитированный случай. Булгаковскому герою удалось, используя высокие связи, отстоять суверенность своего жилья. Но в жизни все оборачивалось гораздо драматичнее, чем в литературе. Так, 31 августа 1926 г. «Известия ВЦИК» сообщали: «В практике жилищной секции ЦЕКУБУ имеется уже несколько тяжелых случаев, когда волнения, страдания и мытарства, вызванные жилищными осложнениями, приводили к преждевременной смерти научных работников (известный профессор-литературовед Гершензон)». К концу 20-х годов в обстановке покомнатного заселения жило 60% горожан.

В ходе рассматриваемого передела жилье было исключено из рыночного оборота, и это повлекло за собой серьезные подвижки в жилищных условиях всех групп населения. Обратимся вначале к рабочим, во имя улучшения бытия которых и предпринималось сие крупномасштабное мероприятие. К 1923 г. расселенные в основной массе в реквизированные квартиры рабочие значительно улучшили свои квартирные условия по сравнению с дореволюционным периодом: теперь «угловых жильцов» и «коечников» почти не зарегистрировано, При этом в 2—2,5 раза увеличился процент имеющих отдельное помещение - комнату или даже квартиру [11, с. 42]. Скажем, если в 1908 г. среди одиноких рабочих Петербурга жили в отдельной комнате лишь 29%, то в 1922 г. — уже 67%, занимали более одной комнаты или квартиру соответственно 1% и 10%, из семейных же имели свыше одной комнаты или квартиру 28% и 64%, одну комнату - 17% и 33%. Менее одной комнаты на петроградскую рабочую семью в 1922 г. вообще не зафиксировано, тогда как в 1908 г. 52% таких семей вынуждены были довольствоваться подселением [11, с. 43-44].

Попытаемся на основе имеющихся данных проанализировать очень важный социальный индикатор - жилищный статус, т.е. позицию семьи или индивида в жилищной системе, определяемую качеством используемого жилья в соотнесении с семейной структурой, и его изменения в итоге перераспределения жилой площади, характерного для периода, нареченного военным коммунизмом. Во-первых, как отмечалось, радикально улучшились жилищные условия рабочих; во-вторых, верхний «этаж» жилищной стратификации, несмотря на глубокий передел, был сохранен, но заняли его другие люди — реквизированные «буржуйские» квартиры полностью отданы партийным и хозяйственным руководителям; в-третьих, резко ухудшилась ситуация интеллигенции - врачей, учителей, инженеров, ученых и предпринимателей, которые подвергались «уплотнениям» и переселениям. Оценивая положение с жильем в сельской местности, где семья традиционно занимала отдельный дом, подчеркнем, что оно крестьянством в общем-то было закреплено, а кое-где - по преимуществу на лесистых территориях - и улучшено благодаря самовольной вырубке.

Но в целом правомерно сказать, что эпоха раздачи жилья по классовому признаку привела к отрицательным последствиям: из-за отсутствия средств у местных властей, в ведении которых оказался весь городской жилой фонд, он пришел в полный упадок, ведь нового строительства практически не велось. Страна испытывала жилищный кризис.

Нэп, высвободивший рыночные стимулы во всех сферах жизнедеятельности обществ, вызвал фактическую отмену принципов жилищного передела в жесткой классовой политике времен военного коммунизма. Жилая площадь в своей львиной доле демуниципализирована, т.е. возвращена прежним либо передана новым владель-

цам, введен категорический запрет на административное перераспределение и уплотнение, ограничено действие института государственного обеспечения жильем. Принципиальное значение обрело частное строительство (в соответствии с принятым в 1922 г. законом «О праве застройки»), которое стремительно развивается - в 1924 г. из вновь построенного жилья 72% возведено частным путем, и в 1926 г. частному сектору принадлежало уже 81,8% всего жилого фонда [12, с. 449].

В силу начал входить институт кооперативной собственности в виде жилищных товариществ, законодательно признанных в 1924 г., когда ими была охвачена основная часть муниципального жилого массива. Развернувшаяся дискуссия о характере этого явления и его роли в решении жилищной проблемы выявила точку зрения большинства ее участников - «в ближайшие годы при широкой поддержке самого населения значительно облегчить, если не ликвидировать вполне жилищный кризис» [13, с. 10]. Но и тут сохранялась идеологическая основа, поскольку жилтоварищества должны были выполнять двуединую задачу: «с одной стороны, воспитывать в людях чувство хозяина и развивать опыт самоуправления, а с другой - эксплуатировать жилье на принципах самоокупаемости» [14, с. 73].

Декрет от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации» устанавливал три вида объединений: жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы), создаваемые для эксплуатации муниципализированных домовладений; рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ) по сооружению новых и восстановлению разрушенных домов; общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), куда входили группы кустарей, ремесленников и мелкой буржуазии, лица свободных профессий, квалифицированные служащие, иными словами, представители тех слоев, которые имели возможность строить жилье на собственные средства. Политика государства по отношению к жилищным кооперативам дифференцировалась в зависимости от их классового состава, так РЖСКТ оказывалась материальная поддержка (выдача беспроцентных ссуд, льготы при закупке и перевозке стройматериалов, отвод мест для застройки и т.п.), осуществлявшаяся частично за счет повышенного налогообложения ЖСКТ.

Правда, зачастую рабочими полученные благоустроенные квартиры не воспринимались как социальная ценность. Житель Москвы историк И.И. Шитц, дневник которого недавно опубликован во Франции, где он хранился в архиве А. Мезона, пишет, что обычная ситуация с жильем в 1928 г. выглядела так: «рабочий въезжает в новый дом, где за квадратную сажень надо платить 5 руб. ...и тогда либо набивает квартиру платными сожителями ... загрязняя жилье, и явно разрушая этим весь смысл строительства, либо еще проще: "обменивается" ... берет плату за свои кооперативные права, отдает квартиру интеллигенту, желающему жить почище, а сам переезжает в прежнюю комнату этого интеллигента, скучивается в ней, платит гроши, разоряя домовое хозяйство ... Вот отчего старые дома приходят в упадок» [15, с. 23]. Итак, воспитание «хозяина» не слишком удалось, и виной тому не столько недостаток культуры у пролетариата, сколько господство принципа санкционированного предоставления жилья.

Судите сами, в какой мере можно говорить, что период нэпа «ознаменовался упорядочением и уточнением жилищных прав населения страны» [14, с. 68]. Между тем, как считали специалисты, к 1927 г. в СССР сложилась стройная система жилищного законодательства, направленная на то, чтобы: 1) обеспечить устойчивость права трудящихся на жилплощадь и тем стимулировать их заинтересованность в бережном отношении к жилищу; 2) закрепить произошедшее перераспределение жилплощади; 3) планомерно продолжать нивелировку жилищных условий, подтягивая к средней душевой норме отстающие в этом плане социальные категории [12, с. 451].

Жилищное неравенство в эту пору несколько сглаживается за счет определенного выравнивания уровня обеспеченности жильем разных социальных групп под воздействием демографических и миграционных факторов. Однако со стороны такого значимого показателя, каким является количество жилой площади на одного чело-

века, положение выглядело малоутешительным. В 1923 г. городское население составляло 21,3 млн. человек, общая жилая площадь - 127, 8 млн. кв. м, или 6,0 кв. м на жильца; по переписи 1926 г. среднедушевая норма равнялась (в кв. м): для рабочих - 4,9, служащих - 6,9, прочих - 6,1 кв. м, т.е. ее уровень оставался крайне низким, несмотря на развитие кооперативной и частной застроек. В 1927-1928 гг., когда численность горожан увеличилась до 26,9 млн., а жилая площадь выросла только до 160 млн. кв. м, понятно, средняя обеспеченность ею еще более сократилась — до 5,9 кв. м 116, с 125].

Возможно, улучшение ситуации было не за горами, но взятый курс на ускоренную индустриализацию страны привел к переориентировке политики на обеспечение промышленных новостроек рабочей силой и закрепление за ней хоть какого-то жилья. Происходит снижение вдвое доли кооперации в общем объеме- жилстроительства. Жилищные условия людей снова ухудшаются, на сей раз и количественно, и качественно. Это связано не только с тем, что в 1932 г. число городских жителей возросло до 35,6 млн., т.е. почти на 9 млн., тогда как жилая площадь увеличилась лишь на 25 млн. кв. м по сравнению с 1927-1928 гг., что понизило жилую площадь на одну душу до 5,2 кв. м. Построенные по типу временных пристанищ вокруг возводимых заводов и фабрик, часто без необходимой санитарно-гигиенической проверки мест застройки, бараки стали постоянным местообитанием многих миллионов рабочих семей.

Нехватка средств для поддержания жилого фонда, представшая одной из основных причин жилищного кризиса, была в какой-то степени инспирирована самой властью. Дело в том, что вслед за большевистским переворотом - выше об этом говорилось - рабочие были освобождены от платы за жилье. Граждане-, принадлежавшие к другим общественным слоям, вносили квартплату, равную дореволюционной, которую, однако, резкое падение котировки рубля свело к ничтожно малой величине Уже на излете военного коммунизма (декрет от 23 мая 1921 г.) оплата квартиры, пользования водопроводом, канализацией, газом, электричеством, а также общественными банями отменена и для служащих [17].

Новая экономическая политика установила принцип самоокупаемости жилищного хозяйства, означавший проведение всех ремонтных работ за счет городских советов Для изыскания средств на эти нужды декретом от 22 апреля 1922 г. введена квартплата, правда, весьма невысокая, которая при постоянно падающем рубле и вовсе проблему не решала. Вот почему 13 июля 1923 г. утверждаются ставки квартплаты в золотом исчислении, и хотя эта мера несколько укрепила домовой бюджет, получаемых средств было явно недостаточно, что способствовало росту платы за жилье, происходившему по сути ежегодно - в 1924, 1925, 1926 и 1928 гг Ознакомившись с затратами рабочих на оплату жилья в государственном секторе, легко убедиться, что вопреки их неуклонному возрастанию, они все же не обременительны [16, с. 117-119] (первая цифра - плата в червонцах, вторая - процент от заработка):

	1922 г		1923 г		1928-1929 гг.	
Одинокие рабочие	0,69,	2,2%	1,29,	3,5%	5,46,	7,5%
Семьи рабочих	0,94,	1,8%	1,74,	2,8%	9,56;	8,6%

Политика ликвидации «ножниц» между средствами, требуемыми на поддержание жилого фонда, и квартплатой и, как следствие, установка на периодическое повышение последней, была закреплена резолюцией объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 г., где говорилось о надобности согласования общего темпа роста реальной заработной платы и оплаты жилищ. В дополнение к этой резолюции ВЦИК и СНК РСФСР приняли 14 мая 1928 г. постановление «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках», которое оказалось, вероятно, наиболее долгоживущим законодательным актом (формально так и не отмененным и прекратившим свое действие лишь с распадом СССР). По этому постановлению «ставки квартирной платы (за государственное жилье. - А.Ч.) для рабочих и служащих... не должны

превышать 1 руб. 32 коп. за 1 кв. м в месяц» (нижний предел был равен 44 копейкам за кв. м) [18].

Фактически, с конца 20-х годов государство возвращается к прежнему принципу директивной раздачи жилья, который в общем-то всегда был основным в жилищной политике большевиков.

Квартирная плата не служила единственным источником финансирования жилищного хозяйства. Провозгласив на заре Советской власти лозунг «Долой налоги!», большевики с переходом к нэпу вынуждены были забыть об этой утопии. В 1922 г. вводится подоходный налог, которым, однако, не облагаются рабочие и служащие государственных предприятий, а также местный целевой сбор на жилищное строительство, взимаемый со всех категорий граждан (но для рабочих и служащих и здесь предусматривались льготы). А в 1923 г. в ходе реформы налогообложения квартирный налог, ставший частью нового подоходного налога, распространялся уже на все социальные группы общества без исключения. И, наконец, в 1924г. правительство устанавливает новый целевой сбор в пользу жилищного строительства с «нетрудовых» элементов, к которым отнесено до 1/3 горожан.

Осмысливая в исторической перспективе жилищный вопрос, приходится констатировать, что квартирная плата так и не стала ценой за жилую площадь, сохранившись до начала 90-х годов в виде своеобразного налогового сбора, дифференцированного, исходя из общественного положения квартиросъемщика и его дохода, а также ряда льгот, предоставляемых тем или иным социальным группам. Впрочем, в 1926 г. была предпринята попытка включить жилье в товарные отношения путем преодоления налогового характера квартирной платы и придания ей статуса реальной цены жилья. Тогда была введена «основная ставка оплаты за единицу жилой площади, определяемой исходя из стоимости эксплуатации и амортизации благоустроенного жилья», что предполагало отказ от «укоренившегося в годы военного коммунизма и все еще не изжитого взгляда на квартирную плату как на произвольно устанавливаемое обложение» [19, с. 3]. Но невозможность перевести жилой фонд на основы самоокупаемости из-за низкого материального уровня населения обрекло эту попытку на неудачу.

Ускоренная индустриализация поглощала предназначенные жилищному строительству ассигнования, которые централизованно осваивались в соответствии с новыми приоритетами. Следствием этого явилось абсолютное уменьшение жилого фонда, рост коммуналок и ухудшение санитарно-гигиенических условий жизни людей.

Ситуация с жильем, возникшая к этому времени, может быть охарактеризована как полукрепостническая: все принадлежало государству и ничто никому лично. Жилье и механизм его распределения использовались в качестве мощного средства, закрепляющего рабочего за производством. В феврале 1931 г. принимается закон, по которому работники, нарушившие трудовую дисциплину, теряют право на жилплощадь в рамках этих предприятий. Окончательное прикрепление к производству и месту жительства достигается введением в декабре 1932 г. единой паспортной системы и института обязательной прописки.

Создание нового быта как важнейшей составляющей культурной революции связывалось в первую очередь с отвержением буржуазного индивидуализма и осознанием себя частью коллектива.

Все заодно и все за всех.
Кто остановит буйный бег...
Железно-каменный массив -
Несокрушимый коллектив.

Таким виделось идеальное будущее пролетарскому поэту Владимиру Кириллову в 1918 г. [20, с. 238].

Коллективное существование имело в виду неколебимое равенство членов «коммунистической ассоциации». К практическому претворению этого исходного постулата Советская власть приступила незамедлительно: «Все существовавшие доныне сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения... а равно и все гражданские чины упраздняются. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование - гражданин Российской Республики» [21]. Ликвидируются и внешние различия: в 1918 г. отменяют форму и знаки, принятые в учебных заведениях. Финальное же уравнивание демонстрирует декрет, гласящий, что «для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны», что «деление на разряды как мест погребения, так и похорон уничтожается» [22]. (Исключение - мавзолей - лишь подчеркивало равенство остальных).

Коллективное существование в области быта должны были осуществлять дома-коммуны, студенческие общежития, фабрики-кухни. Еще в 1921 г. молодой А. Вышинский призывал превращать коммунальные столовые в школу коммунизма, отучающую от индивидуалистической психологии [23, с. 6].

Адепты новой действительности отрицательно относились к семье, где роли распределены неравным образом. О стремлении нивелировать даже чисто внешние различия полов мне уже доводилось писать [24]. Один из крайних экстремистов тех лет В'. Кузьмин, активный пропагандист идеи коллективных спален в домах-коммунах, рьяно настаивал на немедленном уничтожении семьи как «органа угнетения и эксплуатации» [25, с. 82]. Его сподвижник архитектор К. Мельников в собственном доме по Кривоарбатскому переулку выстраивает для сна коллектива спящих - семьи - одно общее помещение, лишь слегка разгороженное узкими вертикальными плоскостями. Приверженная в прошлом «крылатому Эросу», Александра Коллонтай, заметно снизив «накал страстей», в 1928 г. проповедует не «союз двоих» как раньше, но «новую семью — семью коллектива трудящихся, где не кровное родство, а общность работы, единство интересов, стремлений и задач будет крепко связывать людей, будет воспитывать из них истинных братьев по духу» [26, с. 162]. От необходимости разрушения «семейного очага», воплощающего старый жизненный стиль, не освобождает и самый высокий статут - в «доме на набережной» (первом доме СНК на Берсеневской) квартиры не имели кухонь. Вообще все, что соотносилось с частной жизнью, воспринималось с подозрением. В эти годы даже слово «интимный» представлялось чуть ли не бранным, ибо «интимизм — типичнейшее умонастроение для крайне буржуазных эпох и для буржуазной демократии» [27, с 88]. Лежащее в основе традиционной семьи таинство рождения новой жизни «коллективисты» превращали в простой процесс воспроизводства. Коллектив же существует для иного таинства - мистерии труда.

Результаты жилищного передела оказали решающее влияние на приватную жизнь советских граждан, которые, как говорил булгаковский Воланд, «люди как люди, вот только квартирный вопрос их испортил». Государство, ставшее монопольным собственником жилья, превратило его в один из главных рычагов социального контроля, гнетущие последствия которого мы ощущаем до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин В. И.* Пол. собр соч. Т. 54.
2. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1961. Т. 18.
3 Известия ВЦИК. 1918. 2 марта
4. Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Пг., 1919.
5 *Полетаев В.Е.* На путях к новой Москве. М., 1961.
6. *Кузнецова Т.* О революционном жилищном переделе в Москве // История СССР. 1963. № 5
7 *Беленький-Белинский Г.* Классовые черты жилищной площади ленинградских домов // Социальная гигиена. Сб.с.т М.-Л., 1926.
8. *Зощенко М.* Нервные люди // *Зощенко М.* Избранное. М., 1981.
9. Жилец. 1924. № 8.

10. *Булгаков М.* Собачье сердце // *Булгаков М.* Дьяволиада. Архангельск, 1989.
11. *Полляк Г.* Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 г. М., 1924.
12. БСЭ. М, 1932. Т. 25.
13. *Плансон В.* Организационные задачи жилищной кооперации // Жилищная кооперация. 1924. № 17-18.
14. *Бессонова О.Э.* Жилье: рынок и раздача. Новосибирск, 1993.
15. *Шитц И.И.* Дневник «великого перелома» (март 1928 - август 1931). Париж, 1991.
16. *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 2.
17. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1921. Вып. 49.
18. Свод законов СССР. 1926. № 44.
19. *Шейнс Д.И.* Квартирная плата // Коммунальное дело. 1926. № 15-16.
20 *Кириллов В.* Стихи // Пролетарские поэты первых лет советской эпохи. Сб. Л., 1959.
21. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. Вып. 3.
22. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. Вып. 90.
23. *Вышинский Л.* Коммунальное питание и наши задачи // Вестник агитации и пропаганды. 1921.№ 18.
24. *Черных А.М.* «Крылатый Эрос» и промфинплан // Социол. исслед. 1993. № 8.
25. *Кузьмин В.* О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1928. № 3.
26. *Коллонтай А.М.*Труд женщины в эволюции хозяйства. Изд. 2-е, перераб. М.—Л., 1928.
27. *Зеленский К. Л.* Идеология и задачи советской архитектуры //ЛЕФ. 1925. № 3.